Где болит? Что интерн делал дальше

Автор:
Макс Пембертон

Где болит? Что интерн делал дальше

Макс Пембертон

Спасая жизнь. Истории от первого лица

Во второй части трилогии Макс уходит из больницы и становится сотрудником «Проекта Феникс». Держась больше на крепком чае и юношеском энтузиазме, чем на предыдущем опыте, он должен разыскивать и лечить своих разношерстных пациентов, к встрече с которыми его не подготовил год интернатуры: от Молли, 80-летней наркокурьерши, до Бога, обитающего на парковке супермаркета, и матерей семейств, зависимых от мнения соседей и обезболивающих таблеток.

Друзья не одобряют его выбор, мама за него волнуется, а прохожие на улицах в него плюют, но Макс полон решимости изменить жизнь бездомных и наркоманов к лучшему. Несмотря на то, что чудеса случаются редко, и не всякому из его пациентов можно помочь, Макс, удивляясь сам себе, понимает, что кое-что ему все-таки удается.

Забавная, трогательная и жизнеутверждающая книга, в которой Макс, даже копаясь в мусорных контейнерах, не теряет чувства юмора и уважения к ближнему.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Макс Пембертон

Где болит? Что интерн делал дальше

Посвящается Элли

First published in Great Britain in 2009 by Hodder & Stoughton

An Hachette UK company

Max Pemberton

WHERE DOES IT HURT?

WHAT THE JUNIOR DOCTOR DID NEXT

Перевод с английского

Ирины Голыбиной

<Фото автора на обложке>

© Max Pemberton 2009

© И. Д. Голыбина, перевод, 2020

©…, фото на обложке

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

Этот парень только что в меня плюнул. Понадобилось пару мгновений, чтобы я это осознал. Нет, точно, он в меня плюнул. Плевок попал на тротуар – вот он, блестит в паре сантиметров от моей ноги. Я не сразу сообразил, как реагировать. Раньше в меня никто не плевал. И никто не пришел на помощь, потому что я не в больнице, а мужчина, который в меня плюнул, не пациент, а просто случайный прохожий. Я на него даже не смотрел, не говоря уже о том, чтобы сделать что-то, что спровоцировало агрессию. Наконец, я решил состроить возмущенную мину добропорядочного члена общества. Да, он осознал свою ошибку. Но оборачиваться не стал. Черт!

Я повернулся к мужчине, сидящему рядом.

– Да вы не беспокойтесь, – сказал он, – они всегда так делают.

Он отхлебывал суп из пластикового стаканчика.

– Но… но… – начал я, не в силах подобрать слова, чтобы выразить свое негодование.

Сидя там, на асфальте, я понимал, что парень, который в меня плюнул, поступил так, потому что не знал, кто я есть. Он не понял, что я доктор и примостился на тротуаре, пытаясь убедить пациента с гангреной ноги поехать со мной в госпиталь. Жестокая правда заключалась в том, что он плевал в бездомного. Выходит, я так быстро вписался в уличную жизнь?

Я окинул себя взглядом: застиранная футболка, джинсы, грязные кеды и рюкзак на коленях. Отнюдь не Джордж Клуни, скорее, Ворзель Гаммидж. Пожалуй, напрасно я не надел галстук.

Мужчина, сидевший рядом со мной, теперь выискивал вшей у себя подмышкой. От него дурно пахло. Я собрался было ему об этом сообщить, но передумал: один раз в меня уже плевали. Нет, решил я, пока прохожие равнодушно перешагивали через нас, так быть не должно. Не для того я целый год отпахал интерном, планктоном в больничной пищевой цепочке, чтобы сидеть на

холодной мостовой и сносить плевки. Двенадцать месяцев я копался во всех ходах и отверстиях человеческих тел и считал, что ниже падать уже некуда. О чем я думал, когда соглашался на эту работу? Я вспоминал сегодняшнее утро, утро моего первого рабочего дня на новом месте. Все начиналось так хорошо…

Утро выдалось солнечным и ясным. Мои соседки, Руби и Флора, тоже выходили на новые места работы. Мы сидели и ели теплые круассаны, намазав их маслом, а солнце струило свои лучи в окно, освещая страницы утренних газет, которые мы неторопливо листали. Флора приготовила целый кофейник ароматного кофе, и мы со вкусом его попивали, рассевшись вокруг кухонного стола.

Мы были счастливы сознанием того, что год интернатуры остался позади и теперь можно начать настоящую карьеру в самостоятельно выбранной специальности. Конечно, в иерархии мы оставались младшими, но уже немного старшими младшими. Мы больше не были планктоном – скорее, простыми одноклеточными организмами, на которые тоже можно кричать, но уже непостоянно, как раньше. Предвкушение первого рабочего дня наполняло радостью. Мы пожелали друг другу удачи и отправились по своим новым работам, насвистывая на ходу.

Ладно, все было совсем не так, признаю. Утро пронеслось как в тумане. Помню, я проснулся от панических криков, когда Флора и Руби поняли, что обе проспали.

– Ты же обещала меня разбудить! – вопила Руби, пытаясь одновременно чистить зубы и расчесывать волосы.

– Ничего подобного! Ты обещала разбудить меня! – орала в ответ Флора, споткнувшаяся о гладильную доску в процессе напяливания колготок.

Я приоткрыл один глаз и посмотрел на часы: 15 минут до начала работы. О нет! Через 10 минут я уже выскакивал в дверь, успев принять душ, одеться и выкурить сигаретку. Если интернатура меня чему и научила, так это собираться со скоростью молнии, чтобы оставалось время на быстрый перекур.

Я бросился к станции, вклинился в толпу пассажиров, дожидавшихся поезда на платформе, и только тут начал постепенно просыпаться. Еще один ценный навык интерна, гораздо более полезный, чем уметь спасать людям жизнь, – делать все, что от тебя требуется, практически во сне и выглядеть при этом вполне себе бодро. Поезд въехал под крышу, и толпа бросилась к дверям. Стоя на пятачке площадью не больше пары сантиметров, который мне удалось отвоевать, я смог, наконец, спокойно подумать о работе, которой собирался заняться, и немного оправиться от похмелья.

Естественно, вчера мы собирались лечь пораньше. Но, пережив год тяжких мучений, решили-таки это отметить – с фейерверком. И боже, теперь этот фейерверк полыхал у меня в голове! Во рту пересохло, каждый толчок состава отзывался новым приступом головной боли.

Ладно. Надо сосредоточиться. Включить режим «доктор».

Я и сам толком не знал, почему согласился на эту работу. Думается, отчасти из банального любопытства, ну и да, потому что она позволяла сбежать из больницы с мигающими лампами дневного света, от менеджеров с их диаграммами и злобных консультантов. Однако в первую очередь мне хотелось ответов. Город усыпан обломками разбитых человеческих жизней. Они попадаются нам у дверей магазинов, спят на парковых скамьях. Мы видим использованные иглы в водосточных желобах и пустые пивные банки, плавающие в канале. Мы живем рядом, но не пересекаемся между собой, и только начав работать врачом, я столкнулся с пациентами из разных социальных слоев, в том числе с самого дна.

Собственно, поскольку болезни и бедность идут рука об руку, мы встречались с ними весьма часто. В свой первый год, принимая в отделении скорой помощи бездомных, алкоголиков и наркоманов, подлатывая их и отпуская на все четыре стороны, я постоянно спрашивал себя, что я делаю. Действительно ли я им помогаю, а если нет, то как им можно помочь? Я поражался страшным откровениям, которыми они делились со мной, пытаясь понять, почему траектория их жизней так отличается от моей и почему одни люди как-то справляются, а другие – нет. Мне хотелось знать реальные истории бедолаг, которых мы перешагиваем по дороге на работу, которые выпрашивают у нас деньги и пугают нас поздними вечерами. К примеру, в какой момент человек совершает выбор, который в результате делает его героиновым наркоманом?

– Ой, ты такой странный, – заявила Руби, когда я впервые рассказал ей о будущей работе. – Почему ты не можешь быть как все и найти нормальное место, где надо лечить нормальных людей?

Мы стояли с ней в отделении скорой помощи, и как раз в этот момент в двери вошел человек с сиденьем от унитаза, торчавшим из головы.

– Ну, ты понял, что я имею в виду. Преимущественно нормальных, – поправилась она, глядя, как мужчина пытается без очереди проникнуть в кабинет. – Никто не работает с проститутками и наркоманами по собственной воле. Ты что, ничему не научился в медицинском колледже? Наш Священный Грааль – это пожилые дамы, которые в благодарность дарят врачам шоколад.

Со стороны Руби это прозвучало немного лицемерно. Сама она собиралась работать в травматологии и ортопедии. Нормального человека одно название должно было отпугнуть. В ее обязанности входило бежать туда, откуда все остальные, если пребывали в здравом уме, старались скорее смыться.

Флора отреагировала чуть более благосклонно.

– Ну, я думаю, это интересная область и должность стоящая, – сказала она, – но если тебе будут дарить конфеты, не ешь. Там может оказаться героин. Так делают, чтобы подсадить человека на наркоту. Мне мама рассказала.

Я не стал сообщать Флоре – в основном потому, что у нее зазвонил пейджер и ей пришлось бежать копаться у пациента в заднице, а не из нежелания критиковать ее маму, – что именно поэтому и выбрал такую работу. У всех, от обывателей, занятых в своих коттеджах просмотром «Жителей Ист-Энда», до политиков, ломающих копья в Палате общин, имеется мнение относительно наркоманов и бездомных. Кто-то считает, что они заслуживают сочувствия, кто-то, что им надо дать пинка под зад. Должен признаться, сам я не знал, что о них думать, и поэтому решил, что это отличный способ разобраться. А исследовать всю глубину человеческого падения невозможно, не замочив ног в мутных водах. Мне хотелось сменить ракурс, посмотреть на ситуацию по-другому, оценить все свежим взором. А может, Руби была права, и я просто сошел с ума. Наверное, я стал живым доказательством того, что невозможно питаться исключительно едой с круглосуточных заправок и сохранить после этого здравый рассудок.

Мои мысли продолжали лететь вперед, пока поезд подходил к станции. Учась на медицинском факультете, я одновременно получил ученую степень по антропологии. Меня завораживал тот факт, что наше общество – не одна гомогенная группа: оно состоит из бессчетных подгрупп, члены которых плавно перемещаются между ними. Здесь, в одном со мной вагоне, ехали люди из разных социальных слоев, с разными представлениями о мире, но существующие в одной культуре; при этом у двух человек, стоящих бок о бок, могло не быть практически ничего общего. Можно, конечно, изучать далекие страны и жизнь их коренного населения, но и в нашем обществе есть масса разных культур, представители которых контактируют между собой, создавая тем самым разветвленную сеть. Люди, с которыми мне предстояло работать, являлись частью этого общества, и я хотел составить представление об их мире, стать антропологом в своем собственном городе. Виновато ли общество в их падении или же они виноваты в общем падении нравов?

К вящему ужасу друзей и родных я выбрал работу в проекте по взаимодействию с бездомными и в клинике для наркозависимых. «Проект», «клиника» – звучит впечатляюще, правда? На самом деле мне предстояло работать с отбросами общества, отщепенцами: наркоманами, проститутками, мальчиками по вызову, сутенерами, бомжами, пьяницами, уличными мошенниками и ворами. Весь следующий год я буду их лечить. Правила таковы: сами они ко мне не придут, так что мне надо идти к ним. Да и вообще, раз я решил составить представление об их мире, то должен в него погрузиться.

Собственно, далеко ходить мне не придется: они в городе, прямо у нас под носом. Вроде бы они живут на границе цивилизации, но при этом – в самом ее центре: на больших проспектах и в уютных городских парках. Они повсюду, только приглядись.

Поезд рывком остановился, вернув меня к реальности. Двери распахнулись, толпа повалила наружу, и я вместе со всеми вышел на платформу.

Я шагал к выходу в лучах утреннего солнца, плотно окруженный людьми, обтекающими меня со всех сторон, словно косяк рыб. Они толкались и пробивались вперед, таща свои портфели и сжимая в руках стаканы с латте, целеустремленные и равнодушные ко всему вокруг. Я отступил в сторону от дверей, чтобы не столкнуться с одним из них, и пару минут копался в карманах в поисках кое-как нацарапанной карты. Часы показывали 9:30; я уже опаздывал. Но у дверей я был не один.

– Есть монетка, приятель? – сказал мужчина, сидевший на полу.

Я замер, поглядел на него и покачал головой. Он молча смотрел на меня, пока не поймал взгляд следующего прохожего, к которому обратился с теми же словами.

Я вышел на улицу, прокладывая себе путь в потоке людей, торопившихся на работу. По мере удаления от станции поток редел, потом совсем растаял, и вот уже я шел по тротуару один. Минут через пять магазины стали беднее; возле дверей валялись мусорные мешки, которые никто не вывозил, и их содержимое рассыпалось наружу. Краска с домов лупилась, разруха становилась все заметнее, везде сквозила заброшенность. Рекламы больше не горели призывно, заманивая обеспеченных горожан; здесь предлагались звонки в Африку по сниженным ценам, подержанные компьютеры и дешевая одежда. На последних двух лавчонках вообще не было никаких отличительных знаков, только закопченные окна, пестреющие постерами и граффити.

Я еще раз сверился с картой: совершенно точно я заблудился. Дальше по улице высились панельные корпуса социального жилья, серые и отталкивающие. Я развернулся и пошел назад. Двое мужчин, неподвижно стоявших на другой стороне улицы, наблюдали за мной. Мне стало немного не по себе. Прошу, не надо обкрадывать меня еще до того, как я начну работать. Дайте хотя бы выпить чашку чая. Они как будто о чем-то договорились, хоть и без слов: один поглядел на другого и кивнул, а потом пошел через дорогу. Приблизившись, он бросил на меня косой взгляд и прошептал, почти прошипел:

– Коричневый или белый?

К моменту, когда я расслышал, он был в нескольких шагах позади меня. Я остановился и оглянулся.

– Извините?

Я не понял, что он спрашивает. Он замедлил шаг, но не развернулся, просто снова перешел улицу и возвратился на прежнее место, рядом со вторым. Они постояли еще пару мгновений, с подозрением глядя на меня, а потом разошлись в разных направлениях. Когда я снова поглядел в их сторону, там никого не было. Я решил, что должен как можно быстрее найти свой офис.

Я начал считать номера домов. Между 267 и 269 нашлась неприметная дверь без номера и таблички. Слева торчал интерком с бумажкой, подписанной от руки: «Проект Феникс». Его-то я и искал. Нажав на звонок, услышал щелчок отпираемого замка. Я зашел внутрь, и дверь за спиной захлопнулась. Я оказался перед еще одной дверью с интеркомом. Потянулся было к кнопке, но она распахнулась сама.

– Вы новый врач? – спросила женщина, таща мимо меня велосипед.

Я кивнул и открыл рот, чтобы представиться.

– Отлично. Идемте со мной. У нас сегодня масса дел, – продолжила она, не давая мне шанса ответить.

У нее были бусы на шее и длинные распущенные волосы. Наверняка она делала тату хной и ела органический салат.

– Я Линн. Для начала вам придется снять это, – сказала она, взглянув на мой галстук.

– А что не так? – спросил я.

Она ничего не ответила, даже не посмотрела на меня, пропихивая велосипед в двери и выкатывая на улицу.

– Нам надо поехать в приют, осмотреть одного мужчину. У вас стетоскоп с собой? У нас тут его нет. А велосипед есть? Тогда поедете на автобусе. Адрес я вам написала. Увидимся на месте, хорошо?

И прежде чем я успел произнести хоть слово, она укатила прочь. Я перешел дорогу и уселся на автобусной остановке, думая о том, что могу еще успеть на обратный поезд и подыскать место семейного врача в тихом пригороде.

Считается, что медицина – это ответы на вопросы. Она подразумевает, что, следуя определенным теориям и процедурам, даже сложный комплекс симптомов можно объяснить и понять. Наш организм представляет собой машину, и ее можно починить, если знать как. Но это в теории. В реальности же все, конечно, немного по-другому. Доктора, хотя некоторые из них и считают себя всеведущими, не знают всего на свете. Медицинская модель небезупречна. Собственно, чем больше вы в нее вникаете, тем острее понимаете, что вам известно очень мало. Однако люди все равно убеждены: случись что, доктор всегда поможет. Вот почему, встретившись с Линн по адресу, который она мне дала, я стоял сейчас перед входом в старинный викторианский работный дом в окружении разношерстных персонажей с виду прямо из романов Диккенса.

– Вы врач? – спросил один из них.

Я заколебался. Он что, собирается показать мне вросший ноготь? Судя по всему, ведь обуви на нем нет.

– Хм… да, врач, – осторожно ответил я.

– Меня отправили вас встретить. Входите вот сюда, – сказал он слегка угрожающе, приглашая нас с Линн следовать за собой. Остальные бродяги на почтительной дистанции двинулись за нами.

Линн, похоже, всех их отлично знала.

– Это… – начала она представлять меня кому-то без ног и с дырой вместо левого глаза, сидящему на самодельном скейтборде.

– Простите, как вы сказали ваше имя? – спросила она.

– Хм… Макс, – рассеянно ответил я, уставившись на безногого, который рассматривал меня своим единственным глазом. Почему у него нет ног? Почему он сидит на скейтборде? Нет, понятно, что он сидит, потому что не может стоять, но как так получилось? Определенно, это против каких-нибудь пунктов закона о Здравоохранении. У него должно быть инвалидное кресло, специальный подъемник и работа в социальном проекте, который будет отправлять его ежегодно в санаторий на море.

Я вежливо улыбнулся, и мы пожали друг другу руки. «Только не спрашивать о скейтборде, не спрашивать о скейтборде». Воцарилось неловкое молчание.

– Мне нравится ваш… хм… скейтборд, – услышал я собственные слова, тут же придя от них в ужас.

Однако мужчину они, похоже, нисколько не смутили.

– Спасибо, мы с приятелями сами сделали. Лучше, чем когда тебя перетаскивают туда-сюда.

С этими словами он покатился вперед, руками отталкиваясь от земли. Колесики, явно открученные от тележки из супермаркета, жужжали, словно перевернутые на спину жуки, пока скейтборд не въехал на плиточный пол.

Я обвел взглядом группу мужчин, шедших за нами, потом посмотрел на Линн. Неужели никому эта ситуация не кажется странной? Надо будет немедленно заполнить документы на этого мужчину, как только вернусь в офис. Наверняка есть закон, касающийся подобных ситуаций. Я добуду для него кресло-каталку и искусственный глаз, нравится ему это или нет.

Мы находились в приюте для одиноких бездомных мужского пола. Хоть они и были холостяками, на выгодных женихов никак не тянули. Визит врача воспринимался ими как большое событие; меня сопровождал почетный караул немытых и нелюбимых мужчин, каждый из которых питал надежду, что я смогу ему помочь.

– В смысле жилья, – прошептала Линн мне на ухо, – это низшая ступень: хуже разве что ночевать на улице.

Все хотели представиться мне, словно я был особой королевской крови. Многие сопровождали рукопожатие почтительным поклоном, и я чувствовал себя настолько неловко, что готов был захихикать.

– Простите, я сегодня не побрился, – извинился один из бродяг.

Я поглядел вниз и увидел, что его рука черная от грязи.

Одинокие бездомные мужчины – самая многочисленная из социально неадаптированных групп и одновременно самая незащищенная с точки зрения закона. В приюте им обеспечивали лишь самые примитивные удобства. Никаких ковров; викторианская лепнина вся в пыли, стены с облезшей краской. Раньше я ни разу не бывал в подобных местах; собственно, никто не ходит в них без веской причины, а даже если она и есть, старается найти какое-нибудь другое занятие. Города неохотно раскрывают свои секреты; я, к примеру, считал, что свой знаю достаточно хорошо, но в действительности был знаком лишь с его парадной стороной. Я жил в какой-то сотне метров отсюда, делал покупки в магазинчике за углом, мой любимый ресторан был в паре минут ходьбы, но я понятия не имел о существовании этого заведения. А ведь я проходил мимо него сотни раз.

Меня представили Уоррену Уордену, персонажу пиквикианских габаритов, резко контрастировавших с хрупкой изможденной фигуркой приятеля, стоявшего рядом с ним.

– Это Дэнни, – сказал он, пока Дэнни кашлял, сплевывал и отхаркивался.

Я осмотрел пациента в крошечной комнатке, больше похожей на тюремную камеру, с жиденьким матрасом без простыней и решеткой на окне. Выслушал грудную клетку. Уже несколько недель он кашлял с примесью крови. Кроме того, у него явно имелось какое-то психическое заболевание. Я заподозрил у Дэнни туберкулез, болезнь, широко распространенную у бездомных. Я объяснил, что с ним, и меня спросили, что надо делать. Ответ был очевиден: его следует положить в больницу и лечить.

Ситуация с Дэнни вызывала много вопросов. На тот момент я понятия не имел, как лучше помочь ему и другим в той же ситуации. Зачастую вместо поиска ответов мы пытаемся найти виноватого: правительство, общество, даже самих людей, оказывающихся в таких вот местах. Однако все не так просто. Дело не всегда в деньгах или в неверных решениях, которые люди принимают, необязательно в наркотиках или воспитании. Я чувствовал себя бессильным; казалось, отчаяние, царившее в приюте, перешло и на меня. Больше века назад тут же, в этом же доме, жили точно такие же бездомные. За 100 лет ничего не изменилось.

Мужчины, столпившиеся в коридоре, смотрели с надеждой. У меня не было ответов на их вопросы, поэтому я вышел, спеша возвратиться в живой

современный город.

– Я, так-то, Джой, – заявила женщина, с ухмылкой уставившись на меня. – Со мной надо поосторожней, понял? Если хочешь, чтобы я печатала твои бумажки в срок, будь очень вежлив, иначе я и пальцем для тебя не пошевелю, мистер!

С приклеенной улыбкой я обернулся к ней. Благие намерения родителей, давших ей имя, означающее «радость», похоже, не оправдались.

– Вы только посмотрите, как он вырядился! Куда ты, по-твоему, попал? На Сэвил-Роу? Я тебе скажу, давай-ка кончай с этим маскарадом, – не умолкала она.

Я окинул взглядом свою одежду. Раньше меня никогда не критиковали за излишнюю элегантность, скорее наоборот. Обычно я просто хватаю, что попалось под руку, и напяливаю не глядя. Одинаковые носки для меня – уже событие.

– Да они тебя там живьем съедят, если так к ним заявишься, – подвела итог Джой.

– На, переоденься в это, – вмешался Кевин, медбрат, протягивая мне измятый пакет с каким-то барахлом.

– О, спасибо, – ответил я, с опаской заглядывая внутрь.

Кевин, похоже, понял, что я подумал.

– Мы всегда держим в запасе одежду для пациентов, на всякий случай. Не могу гарантировать, что она стираная, но на сегодня сойдет.

Я едва сдержался, чтобы не отбросить пакет. Мне претила мысль даже примерить чужие ношеные вещи, не говоря уже о том, чтобы проходить в них до конца дня.

В офисе все затихли и испытующе уставились на меня. Я перевел взгляд на Кевина, который спокойно стоял передо мной в обычной футболке и джинсах. Похоже, решил я, это такая проверка.

– Нашим пациентам рубашка с галстуком могут внушить смущение, – объяснила Хейли, медсестра, вроде как мне в поддержку.

И что, они предпочтут доктора со вшами? Я вытащил из пакета футболку. В пятнах грязи и с желтыми кругами подмышками. Мне показалось, или от нее и правда шел трупный запах?

– Отлично. Большое спасибо. Пойду переоденусь, – сглотнув, пробормотал я.

По пути к туалету я столкнулся с одним из пациентов. У него была борода и густая лохматая шевелюра, на кончике носа примостились маленькие очки.

– О, здравствуйте, – произнес он на удивление звучно, – вы наш новый врач?

Я улыбнулся и представился.

– Ага, наверное, вы уже слышали, что двое ваших предшественников и недели не продержались. Надеюсь, вы справитесь лучше, – заметил он.

– Хм… нет, я не знал, – ответил я.

– Эта работа не для всех, видите ли. К ней надо привыкнуть. Врачам то пациенты не нравятся, то обстановка. Только не слушайте Джой, она любит изображать из себя обитательницу гетто, но на самом деле родилась в Танбридж-Уэллз и коллекционирует китайские фарфоровые статуэтки котят.

Перед каждым предложением он делал короткий отрывистый вдох и умолкал, прежде чем продолжить.

– Ну, понятно. Большое спасибо, – покивал я, слегка удивленный тем, что какой-то бездомный в курсе таких подробностей относительно персонала. – Еще увидимся.

– Увидимся, – жизнерадостно отозвался он, сворачивая к лестнице.

Я переоделся в свою новую (точнее, очень-очень старую) одежду и посмотрел в зеркало. Полная противоположность тому, как, должно быть, выглядит сейчас Руби, работающая в стерильном хирургическом костюме. Я вернулся в офис и с изумлением обнаружил бездомного сидящим на краю стола и беседующим с Кевином и Джой.

– Ты тут не очень напугала нашего нового юного врача? – хохотнул он, и Джой захлопала ресницами.

– Конечно нет, зачем мне это, дорогуша, – ответила она, задрав одну бровь. – Он ведь знает, кого ему придется лечить, дорогуша, да?

– Ты уже познакомился с профессором Пирсом, нашим консультантом? – перебил ее Кевин, кивая в сторону бездомного.

Я посмотрел на стену за ним, ожидая, что там откуда ни возьмись материализуется консультант. Никто не появился.

– Да, мы встретились пару минут назад у лестницы, – ответил тот.

«Я не хочу, чтобы он был моим консультантом», – подумал я, цепенея от ужаса, – «мне нужен настоящий консультант. Кто-то равнодушный к людям и хорошо играющий в гольф».

Прежде чем мы успели продолжить беседу, в офис вошла Линн и протянула мне листок.

– У нас вызов. Сможешь пойти? Просто мне еще надо осмотреть пациентов, а больше никого свободного нет.

Я поглядел на бумажку. «Мужчина, выглядит больным, возле банка NatWest. Может нуждаться в срочной медицинской помощи: очевидные проблемы с ногой. В темно-синем свитере и зеленом пальто».

Я перевернул листок в надежде обнаружить дополнительную информацию. Там было пусто.

– Извините, – сказал я в спину Линн, которая уже собиралась уходить, – это все?

– Да, – отозвалась она, улыбнувшись.

– А имя? Дата рождения? Адрес?

Произнеся последний вопрос, я сам осознал его нелепость. Ладно, адреса у него нет, но имя! Ради всего святого, мне нужно его имя!

– Не-а, – ответила Линн, – это все.

Я-то считал, что устроился работать доктором, а не Шерлоком Холмсом.

– Как мне его отыскать в огромном городе по одному только описанию? И где этот NatWest?

Линн пожала плечами.

– Да мы все равно не знаем точно, у какого отделения банка его видели, и потом, нет никаких гарантий, что он еще там. Его заметил кто-то из городского совета, но подробностей спрашивать не стал. Самое лучшее – выйти на улицу и спросить ребят, которые болтаются за станцией. Может, они подскажут. Если нет, спроси у них, где Барри, потом найди Барри и спроси его. Он всех знает.

С этими словами она оставила меня, все еще сжимавшего в руках самый смехотворный бланк вызова, какой мне только приходилось видеть.

Я взял свой рюкзак и отправился к лестнице.

– Удачи! – крикнула мне вслед Джой.

Напутствие попахивало сарказмом. Хотя, может, это был запах плесени от моей футболки.

Я пошел по дороге назад к станции. Встал возле нее и огляделся. Просто смешно! Бред какой-то. Мне надо найти парней, которые отправят меня к какому-то Барри, который знает, где найти мужчину с больной ногой, которого в последний раз видели возле банка. Для сценария «Скорой помощи» точно не подойдет.

Я решил купить кофе и как следует поразмыслить над ситуацией. Стоя в очереди перед киоском, услышал, как кто-то окликнул меня:

– Привет, доктор!

Оглянувшись, я понял, что передо мной никого нет, и посмотрел вниз: одноглазый безногий, с которым мы познакомились утром, таращился на меня со своего скейтборда. Я постарался сосредоточиться на его правом глазе, живом.

– У вас все в порядке? – спросил он, – я Талькот, мы встречались в приюте сегодня с утра.

Я тут же ухватился за представившуюся возможность.

– Ищу парней, которые болтаются тут у станции, – сообщил я ему.

На мгновение Талькот задумался.

– Знаете, доктор, я не против перекусить.

Пончик показался мне адекватной платой за информацию, так что я купил один вместе со своим кофе и протянул ему.

– Ну да, я знаю, кто вам нужен.

С этими словами он покатил вперед, петляя между прохожими. Я последовал за ним вокруг здания, потом по аллее и в конце нее наткнулся на трех мужчин, замерших в неподвижности, уставившись на Талькота и на меня.

– Привет, парни, это новый доктор. Он тут разыскивает кое-кого.

Выпалив это, безногий метнулся прочь.

Я сразу почувствовал себя как-то неуютно. Хоть и не был уверен, чем они там за станцией занимались, вряд ли эти трое обменивались схемами вязальных узоров. Они подозрительно буравили меня глазами.

– Вы же не имеете отношения к полиции, правда? – спросил один из мужчин.

– Нет, – ответил я как можно жизнерадостней и даже постарался презрительно фыркнуть, но звук получился больше похожим на всхлип. – Меня послала Линн. Я пытаюсь кое-кого отыскать, – объяснил я, протягивая им свой листок.

– Ах Линн!

Они заметно расслабились. Один опустил из-за спины руку с обрывком фольги. «Ага! – подумал я, – конечно, я же смотрел “На игле”. Вы колете наркоту!» От того, чтобы сказать это вслух, я все-таки воздержался.

– Линн сказала, Барри может помочь, – снова вступил я.

– Это да, но я его что-то давненько не видел. Он держится от нас подальше, когда мы ударяем по белому. Но мы и сами тебе подскажем. Я знаю парня, которого ты ищешь.

Я обратил внимание, что слышу про «белый» уже не в первый раз. Определенно это слово имело отношение к наркотикам.

– Я его видел сегодня утром. Да, дела у него плохи, док.

Он подвел меня к углу улицы и указал на дом.

– Он вон там вон сидел. Думаю, с его ногой далеко не уйдешь.

Я улыбнулся и поблагодарил его, а он в ответ кивнул головой. По крайней мере, они не зарезали меня и не отняли кошелек.

Естественно, через пару минут я прямо на мостовой наткнулся на того, кого искал.

– Здравствуйте! – обратился я к бездомному, – меня зовут Макс, я доктор с Проекта. Мне сказали, у вас плохо с ногой.

– Отвали, – последовал ответ.

Похоже, вечер обещал быть долгим. Я присел с мужчиной рядом. Какая-то дама из офиса на первом этаже вышла на улицу и вынесла ему стакан с супом. Потом посмотрела на меня.

– Я врач, – сказал я, и она еще раз окинула меня подозрительным взглядом с головы до ног.

– Ну, если так, то вы очень кстати. Он тут весь день пролежал.

Она вернулась внутрь.

Вот так я оказался на тротуаре и получил тот самый плевок.

– Мне в выходные здорово досталось, – рассказывал мужчина, пока я пытался смириться с позором от того, что меня приняли за бродягу.

– Они часто так делают. Я же не могу сопротивляться, из-за ноги.

Технически нога до колена была мертвой и уже начала гнить. Вот откуда, решил я, и шел запах.

– Иногда плюют, иногда просто орут на тебя. А то и наброситься могут, – продолжал он, отхлебывая из стакана суп. Закатав рукав, он показал мне

ссадины и синяки, оставшиеся после недавнего нападения.

Такие вещи легко списать на разных придурков и хулиганье, на трудных подростков, но мужчина, который в меня плюнул, был одет в дорогой костюм. Лишнее подтверждение тому, что нельзя судить книгу по обложке: он принял меня за бездомного, потому что я сидел на тротуаре, а я, по его костюму, решил, что он приличный человек.

Мужчина, сидевший со мной рядом, Сэмюэл, согласился поехать в больницу, так что мне надо было его как-то поднять. Напротив нас, на другой стороне улицы, стоял какой-то мальчишка; через пару минут моих мучений он направился через проезжую часть к нам. На мальчишке была бейсболка, поверх нее – капюшон просторной куртки. Мне не хотелось никаких дополнительных неприятностей. Но парень, приблизившись, спросил:

– Помочь?

Вместе мы подняли бездомного на ноги и усадили в подъехавшую карету скорой помощи.

Глава 2

– Знаете, как молодежь ее называет? – спросила меня пациентка Молли, усмехаясь.

Я покачал головой.

– Клюка, хотя в лицо ей этого никто сказать не осмелится. Ну если только не хочет до конца жизни питаться через соломинку.

Я и сам уже понял за сегодняшнее утро, что с сестрой Штейн (это ее настоящее имя) ссориться не стоит.

– Она сюда приехала еще подростком, бежала от нацистов. Хотя тут угроза была скорее для них, не для нее, – продолжала Молли. – Знаете, она основала это

место 40 лет назад. Давным-давно должна была выйти на пенсию, но ходят слухи, если она уйдет, здание сразу обвалится.

Молли облизала зубы и поудобней устроилась в кресле, словно ярмарочная прорицательница.

– Надо отдать ей должное, характер у нее тяжелый, но в целом – дамочка годная.

Я уже прикидывал, что если и дальше так пойдет, то к концу своего контракта я сам буду годным – к отправке в психбольницу.

Сегодня с утра я приступил к работе в клинике по борьбе с наркотической зависимостью и познакомился с пресловутой сестрой «Клюкой» Штейн. Технически клиника находилась в том же здании, что и «Проект Феникс», но вход располагался за углом. Перед ним красовались тяжелые кованые ворота. Они громко заскрипели, когда я их распахнул, и показалось, что навстречу сейчас выйдет кто-нибудь из семейки Адамс. Однако за воротами оказались лишь невысокая лестница и железная дверь наверху.

Я нажал на кнопку звонка, и на пороге появилась крошечная женщина с решительным выражением лица.

– Вы опоздали! – заявила она, после чего развернулась ко мне спиной, поковыляла к следующей двери и дальше по коридору, волоча за собой по полу костыль, словно упирающегося ребенка.

Я посмотрел на часы: подумаешь, каких-то 5 минут.

– Я сестра Штейн, – говорила она, пока я торопливо шагал за ней следом, – заведующая отделением лечения зависимостей.

Легкий немецкий акцент, непроницаемое лицо и крошечный рост придавали ей сходство с Далеком.

– Я вам тут все покажу, но сейчас вас ждет пациентка.

Относительно сестры Штейн мне в глаза сразу бросились две вещи. Во-первых, она была старая, далеко за семьдесят. Во-вторых, – и, похоже, не без связи с первым пунктом, – она сама себя называла сестрой Штейн, и все обращались к ней так же. При нынешней моде на «близость к пациенту» в медицине и не только, когда все превращаются в «приятелей» и «дорогуш», а к врачам обращаются по имени, это стало для меня некоторым шоком. Никогда еще я не встречался с медсестрой, которая требовала называть ее по фамилии, да еще и с профессиональной приставкой «сестра». Складывалось ощущение, что я попал в одну из серий «Дневника доктора Финли», в старые добрые времена, когда врачи носили белые халаты и выясняли отношения с медсестрами в бельевых (и бельевые, и халаты ныне запрещены в целях борьбы с инфекциями). Должность старшей сестры, то есть официальный пост сестры Штейн, теперь переименована в «матрону», что придает ей больше официальности.

Когда я только начал работать врачом, над Мартином, «матроной» отделения скорой помощи, постоянно смеялись. Завидев его, все воздевали кверху одну бровь, касались мизинцем уголка рта, подергивали ноздрями и громко восклицали «маааааатрона!» Самые язвительные запевали какой-нибудь куплет из песенки, сопровождавшей титры в «Матроне Милли», заменив имя на Мартин. Последнее, что я о нем слышал – он переехал в Ньюпорт и торгует подержанными машинами.

Сестра Штейн карабкалась вверх по ступенькам, при каждом шаге громко стуча костылем.

– Здесь, – сказала она, указав на маленький кабинет, – стоит компьютер, распечатывающий рецепты. Они попадают вот в этот ящик, и по утрам вам надо их подписывать.

Из ее уст даже обыденные вещи звучали угрожающе. Я заглянул внутрь и увидел кучу бумаг с полметра высотой. Никак не может быть, чтобы в клинике лечилось столько наркоманов. Через окно, выходившее на площадку, был виден офис «Проекта Феникс». Джой сидела у себя за столом и подпиливала ногти. Я помахал ей рукой, но она не заметила. Надо же, до чего дошло: Джой уже кажется мне старым другом.

Мы поднялись еще на один пролет и оказались в большом помещении с перегородками.

– Это Эми, а это Тони, – сказала сестра Штейн, – медсестра и медбрат, одновременно социальные работники.

Когда мы вошли, Тони жевал жвачку, но при виде сестры Штейн челюсти его замерли. Она подошла поближе. Даже сидя, он все равно был выше ее, так что она смотрела на него снизу вверх.

– Ты же ничего не жуешь, правда? – спросила она.

Тони зажмурился и судорожно сглотнул.

– Нет, – ответил он.

Она продолжала на него смотреть, словно собиралась, как провинившегося школьника, поставить в угол. Потом, не отрывая от него глаз, подняла свой костыль и его кончиком столкнула распечатанную пачку жвачки с края стола в мусорную корзину.

– Вот и хорошо, – сказала она, выходя на лестницу.

Эми закатила глаза. Я пожал плечами, улыбнувшись, и последовал за сестрой Штейн, а Тони бросился копаться в мусоре.

Мы спустились обратно на первый этаж и через еще одну железную дверь попали в приемную. Там сидели секретарь и офис-менеджер; от посетителей их отделяла стойка с закаленным стеклом. На стекле красовалось предупреждение: «Оскорбления, угрозы и применение силы влекут уголовное наказание». Я тут же подумал, распространяется ли это на саму сестру Штейн.

– Это Мередит, – сказала она, указывая на секретаршу, – а это Брюс, офис-менеджер.

– Привет! Я Макс, новый доктор, – представился я.

Брюс поднял на меня глаза, но не произнес ни слова. Я уже собирался повторить, решив, что парень туговат на ухо, но он внезапно сделал глубокий вдох, приложил руку к груди и прочитал нараспев:

– Врачам не верьте: их лекарства – яд; на их счету смертей гораздо больше, чем краж на вашем.

Я недоуменно моргнул. Что следовало на это ответить?

– «Тимон Афинский», акт четвертый, сцена третья, – объявил Брюс.

– Простите?

Он потряс головой.

– Не извиняйтесь, когда слышите великого Барда! Впитывайте его мудрость как драгоценный нектар, дорогуша.

– Да не обращайте на него внимания, – бросила Мередит с другого конца кабинета, – актер погорелого театра.

– Погорелого?! – возмутился Брюс.

– Хочу напомнить, что у меня специальное образование, – загремел он хорошо поставленным голосом, который проникал даже сквозь закаленное стекло.

Пациент с физиономией, покрытой коростой, сидевший в зале ожидания, вздрогнул и завертел головой.

– Я участвую во многих местных постановках, причем на безвозмездной основе.

– То есть играете в любительских спектаклях? – спросил я.

Он выпятил губы.

– В наших спектаклях нет ничего любительского. Как-то раз вместе со мной на сцену выходил сам Винси Уиллис.

Он сел обратно и принялся что-то печатать.

Сестра Штейн уже вышла за дверь; я последовал за ней в зал ожидания. Она остановилась и обратилась к мужчине, сидевшему там.

– Вы зачем сюда явились, после стольких-то прогулов?

При этих словах она постучала по ножке его стула костылем. Определенно, она сейчас нарушила какое-нибудь уложение из закона о Здравоохранении. Нельзя же вот так пугать людей!

Он вскочил со стула и опустил глаза на свои ботинки.

– Эх, вы уж простите, сестра. Я в последнее время никак не мог вовремя проснуться. Надеялся, что сегодня вы мне дадите рецепт на метадон.

Она снова постучала костылем по стулу.

– Вы всегда так, мистер Пэпворт, и это очень плохо. Мы здесь не для того, чтобы к нам захаживать от случая к случаю. Недельного рецепта вы не получите, я вас возвращаю на ежедневные дозы, пока не докажете, что можете соблюдать режим. Вам понятно?

Мистер Пэпворт кивнул с глуповатым видом:

– Да, сестра, – и снова сел на место. – Я думал, вы будете рады меня видеть, – обиженно добавил он.

Она подошла к нему ближе.

– Вы не блудный сын, и упитанного тельца вам тут не обещали, – жестко отрезала она.

– Я вегетарианец, – заметил мужчина.

Сестра Штейн проигнорировала его слова.

– Ждите здесь, сейчас я покажу новому доктору клинику и потом вас приму.

Он, похоже, разозлился, но заставил себя кивнуть и что-то пробормотал сквозь зубы.

– И нечего возмущаться! Вы сами виноваты, что оказались в таком положении, – добавила она, выходя за дверь.

В кабинетах, где принимали пациентов, сестра Штейн показала мне тревожные кнопки.

– Если на вас нападают с опасным оружием, жмите не колеблясь, – объяснила она.

Интересно, а используют ли для нападения неопасное оружие, например резиновую курицу или метелку для пыли?

– А что будет с этим мистером Пэпвортом? – поинтересовался я, гадая про себя, считается ли опасным оружием ее костыль.

– Ну, раньше он приходил раз в неделю, чтобы получить рецепт на метадон, который ему выдают в аптеке. Для экономии времени, чтобы не являться каждый день. Но потом три дня пропустил. Наверняка снова колол героин, так что придется вернуть его на ежедневные дозы, пока не докажет, что ему можно доверять.

Боже, да тут как в школе; разве что проблемы с наркотиками посерьезней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/pemberton_maks/gde-bolit-chto-intern-delal-dal-she

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити